

Одоевцева Ирина

26.05.96

Анна Саакянц

Русск. язык - Париж - 1956
26 сент. - 10 сент. - с. 40-41

Встречи с Ириной Одоевцевой

К 95-летию со дня рождения

Окончание. Начало в «РМ» №4041

Сколько лет было Ирине Владимировне, когда мы встретились? Считалось, что девяносто три: в паспорте значился 1895 год рождения. На самом деле родилась она в 1901 году (об этом она рассказывала некоторым знакомым, отсюда же — разночтения в различных справочниках). Когда в начале сороковых они с Георгием Ивановым остались буквально без крыши над головой, — их дом в Биаррице был разрушен бомбой, — а также в полной нищете, им пришлось устраиваться в дом престарелых, хотя престарелыми они еще не были: Георгий Иванов родился в 1894 году, а Одоевцева и вовсе была «молода». Вот тогда-то она и прибавила себе шесть лет.

Многое сегодня дорисовывается в моем воображении. Тяжкая, мучительная болезнь Георгия Иванова в старческом доме в Иере, на юге Франции. Климат был вреден ему и вдобавок усугублял его депрессию. Но именно там поэт написал книгу «Портрет без сходства» — всего сорок девять стихотворений; она вышла в Париже в 1950 году с посвящением Ирине Одоевцевой и с такими строками, обращенными к ней:

Поговори со мной о пустяках,
О вечности поговори со мной.
Пусть, как ребенок, на твоих руках
Лежат цветы, рожденные весной.

Так беззаботна ты и так грустна.
Как музыка, ты можешь все простить.
Ты так же беззаботна, как весна,
И как весна, не можешь не грустить.

Какой замечательный портрет, сотканный из контрастов... Вечность — и пустяки, беззаботность — и грусть; теперь я вижу, как именно эти черты сочетались в душе и характере этой женщины, которую мне довелось встретить...

(Ирина Владимировна надписала мне книгу «На берегах Невы»: «Автопортрет без сходства». И нарисовала кошку-девочку, с бантом-бабочкой на голове...)

На глазах ее угасал самый близкий человек; он писал посмертные стихи — «Посмертный дневник» — и буквально за несколько дней до кончины, в августе 1958-го, обращался к ней:

Поговори со мной еще немного,
Не засыпай до утренней зари.
Уже кончается моя дорога,
О говори со мною, говори!

Пускай прелестных звуков столкновенье,
Картавый, легкий голос твой
Преобразит стихотворенье
Последнее, написанное мной.

В телевизионной передаче, записанной в том же Переделкине (запись сохранилась у меня), Ирина Владимировна с обычной сдержанностью и простотой, за которой пряталась трагедия, рассказала немного о Георгии Иванове.

Не хочу, чтобы эта пятиминутная (всего-то!) передача канула в небытие. Привожу все, что сказала Ирина Владимировна, в точности.

Начала она со стихотворения Георгия Иванова:

За столько лет такого маянья
По городам чужой земли
Есть отчего придти в отчаянье,
И мы в отчаянье пришли.

— В отчаянье, в приют последний,
Как будто мы пришли зимой
С вечерни в церковке соседней,
По снегу русскому домой.

— Да, — продолжала Ирина Владимировна. — Но это его стихи уже из его «Посмертного дневника». Этот «Дневник» — он весь его мне продиктовал, потому что он совершенно был болен и даже писать не мог... Это его страшно мучило, что он должен так: умирать, не увидев русской земли... И у него есть такое стихотворение — нет, уже, к сожалению, не помню: как хорошо лежать в русской земле — на Ваганьковском или каком-то там тоже кладбище — я забыла, — весну иль осень дожидаться, лежа в русской земле... Так что это было бы очень, конечно, большой и для него, и для меня <радостью> — если он там видит — если б его теперь перенесли тоже сюда. Потому что он так любил Россию — даже чересчур. Например, к моим французским знакомым (естественно, у меня были и французские друзья) он никогда не ходил, и когда я приезжала к ним <они говорили>: «Ну да, мы знаем: мсье Иванов... у него что? зубы болят? или что? он ногу сломал?» Или почему никогда из всех приглашений не принимал? Никогда. Уж редко, редко, когда ко мне приходили, то, конечно, он тоже был, но так... а когда женщины там начинали с ним флиртовать — а он <говорил обычно>: «Я смотрю, пудель какой-то лает, а я даже не слышу, что они говорят».

Однажды он рассказал о сне: что он себя видит в России, идет по Невскому и безумно счастлив. И в это время вдруг какой-то господин, француз: «Monsieur! Voulez-vous m'expliquer... (Господин! Не можете ли вы мне объяснить...)» — а я, говорит, как размахнулся, и как дал ему пощечину, и проснулся с удовольствием.

Георгий Иванов был такой русский, что про него говорили, что он не русский, а

Ирина Одоевцева. 1984.

русак — особая порода людей. Он так тосковал, что просто не мог... знаете его стихи — вот такие:

Я не забыл, что обещано мне
Воскреснуть. Вернуться в Россию стихами...

Через две недели после кончины Георгия Иванова Ирина Одоевцева переехала в другой старческий дом — в Ганьи под Парижем. Там она прожила без малого двадцать лет. Она совсем не была старой, когда переступила порог комнатухи, этого «antichambre du mort» («преддверия смерти»). И в тоскливом ужасе, что вот здесь и окончатся ее дни, что больше ничего не будет, написала стихотворение:

Последнее траурное новоселье.
Мне хочется музыки, света, тепла,
И чтоб отражали кругом зеркала
Чужое веселье.

В холодной, пустой, богадельческой келье
Сварливая, старческая тишина,
И нет ни покоя, ни сна,
И тянет тоскою из щели окна

Смешно о веселье.
Грешно о надежде.

Из сада, где дождь и промозглая слякоть.
— Не надо, не надо!
Прошу вас не плакать.

1958

Но не такова была Ирина Одоевцева, чтобы предаваться унынию; она «воскресла» и сделалась счастлива — общением, поездками (летала даже в Америку), а главное — творчеством. В Ганьи написала она свои замечательные мемуары: «На берегах Невы» и «На берегах Сены» (третью задуманную книгу «На берегах Леты» она не осуществила, написав лишь несколько глав), вложив в них весь свой оптимизм и жизнеутверждающую силу.

После возвращения в Россию Ирина Владимировна Одоевцева прожила три с половиной года. Познала славу и любовь соотечественников. Увидела вышедшие в свет «На берегах Невы» и «На берегах Сены». До стихотворений, к сожалению, дело не дошло, как и до романов; увы, ни один из пяти романов Ирины Одоевцевой практически неизвестен в России (о них можно получить представление из книги: Э.И. Боброва. Ирина Одоевцева. Поэт, прозаик, мемуарист. Литературный портрет. М., «Наследие», 1995). При мне в Переделкине шла речь о переиздании романа «Оставь надежду навсегда»; помню, что Тамара Воронина пыталась хлопотать об этом. Роман был напечатан лишь после смерти Ирины Владимировны, в 1992 году (журнал «Октябрь», №№10—12).

Осенью 1988 года Одоевцева выступала в Москве; у меня сохранился билет на ее вечер в ВТО. Потом ее перевезли в северную столицу, в квартиру на Невском, 13. Прожила там Ирина Владимировна около двух лет; продолжались ее встречи и, кажется, выступления. Но, конечно, российский климат после стольких лет жизни во Франции был для нее нелегко... Говорили, что она постепенно угасла...

Но до конца дней осталась она верной своему девизу:

И во сне, и наяву
С восхищением живу!

Москва

Печатается в сокращении.